

Мне скучно все, мне хочется играть
И вами, и собою, без пощады...

Н. Гумилев

Глава 1

В саду остро и свежо пахло влажной зеленью, молодой клейкой листвой, цветами и дымом от костра, на котором Денис Аркадьевич сжигал старые ветки после очистки кустов и деревьев. Дача в Мамонтовке осталась от дедушки с бабушкой. Новый хозяин полностью перестроил дом, который получился почти таким же, как и прежний, только гораздо добротнее и комфортабельнее. Дом был с высоким чердаком-мансардой, открытой верандой, камином, удобствами и гаражом в цокольном этаже.

Несколько сосен украшали въезд. Одну, самую большую, пришлось спилить — по старости. Ее крона, некогда пышная, горделиво раскинувшаяся в вышине, засохла и поражала взгляд унылостью и каким-то печальным смирением, всем своим видом напоминая о «неумолимом течении времени».

Денис Аркадьевич то и дело поглядывал на огромный распиленный ствол сосны, лежащий у забора.

— Жалко дерево? — спросил гость, высокий седоватый мужчина.

Его звали Игорь Анатольевич Громов. В прошлом — влиятельный криминальный авторитет Гром, а ныне — весьма преуспевающий, уважаемый бизнесмен, деловой человек, прекрасный семьянин. У Грома пять лет назад родился внук, что неожиданно повлекло за собой несколько важных и неприятных событий, которые, собственно, и свели Игоря Анатольевича с хозяином подмосковной дачи, большим любителем шахмат и собак.

— Мне в этом мире, уважаемый Игорь Анатольевич, ничего жалко быть не может, кроме... напрасно потраченного времени. Скука! Вот мой враг. Только она одна ворует у людей время, подкрадываясь незаметно, словно хорошо обученный профессионал. Эта старая сосна напоминала мне о днях, потраченных напрасно. Вы видели на ее стволе зарубки?

— Нет. — Громов невольно оглянулся, словно пытаясь рассмотреть на распиленном стволе знаки, о которых говорил хозяин, и в очередной раз на себя рассердился.

Ну что он, в самом деле, ведет себя как мальчик? Слушается команд хозяина, почти как его собаки — несколько бульдогов радостно бегали по ровной зеленой травке перед домом. Сколько раз он давал себе слово, что будет вести себя независимо и совершенно самостоятельно, и вот... Словно в вежливых, негромких словах Дениса Аркадьевича присутствовал некий непонятный магнетизм, которому невозможно было противостоять. Все происходило как бы само собой, без воли и участия обоих собеседников,

как хорошо отрепетированный спектакль, в котором все роли заранее и распределены — причем раз и навсегда.

- Ваш ход, — напомнил хозяин дачи своему гостю.
- Простите.

Громов поспешно сделал ход конем, о котором тут же пожалел. Вот и в шахматы ему еще ни разу не удавалось выиграть у Дениса Аркадьевича, как он ни старался. Тот словно видел наперед все его планы и только едва заметно посмеивался, одними глазами. Однажды Громову пришла в голову мысль, что он играет в шахматы с дьяволом! Это, конечно, было смешно, и он посмеялся над собой, но... в глубине души, на самом доньшке, остался неприятный осадок, холодок под сердцем, ощущаемый каждый раз, когда ему приходилось встречаться с Матвеевым.

Денис Аркадьевич Матвеев, красивый мужчина лет сорока, москвич, владелец частного собаководческого клуба, — весьма дорогого, кстати, — оказал Грому неоценимую услугу. Дело это не было связано ни с собаками, ни с шахматами, а с совсем другими, страшными вещами, такими, как большие деньги, безжалостное и жестокое противостояние интересов, в которых, как в гигантских жерновах, перемалываются судьбы и жизни всех, кто так или иначе с ними связан.

Год назад у Грома похитили внука. Это было неслыханно дерзкое преступление. Ни вышколенная, высокооплачиваемая охрана, ни авторитет Игоря Анатольевича, ни слава о его жестокости — ничто не смогло помешать произойти этому ужасному событию. Гром на своей шкуре испытал, что такое ад земной, о котором он не раз говорил своим друзьям и врагам, рассуждая отвлеченно. Совсем по-иному этот

ад воплотился в его собственной душе, которая, как известно, есть у всех — даже у самых закоренелых бандитов, самых прожженных циников и самых закаленных жизнью деловых людей.

Перед внезапно обрушившейся на него бедой Гром оказался бессилен. Он не мог обратиться в соответствующие органы, так как слишком хорошо знал, насколько ничтожны шансы спасти ребенка в подобных обстоятельствах. Криминальный мир развел руками — никто ничего не слышал, никто ничем не мог помочь. Собственная служба безопасности Игоря Анатольевича, которой он заслуженно гордился, предпринимала все возможные действия, оказывавшиеся напрасными. Ничто не давало результата. Надежды таяли, а боль в душе становилась невыносимой, грозя утопить в своих жгучих волнах остатки благоразумия. Однажды Гром поймал себя на том, что, выдвинув ящик стола в своем кабинете, с каким-то жадным вожделением смотрит на револьвер, представляя себе, как с наслаждением он бы засунул холодный, отдающий металлом ствол себе в рот и нажал на курок, разом прекратив невыносимые мучения.

Игорь Анатольевич готов был заплатить любой выкуп, без раздумий, если бы не был уверен, что деньги не спасут жизнь маленького Артемки. Малыша ни за что не оставят в живых, опасаясь мести со стороны Грома, которая будет страшна и беспощадна. Его собственная репутация наносила ему удар ниже пояса. Если ребенок все еще был жив, то только потому, что похитители твердо знали, что Грома им обмануть не удастся. Если появится хоть малейшее сомнение, что ребенок жив, у них ни за что не получится вынудить Грома заплатить и совершить опре-

деленные действия, которые от него требовались, как часть необходимых условий освобождения мальчика.

В последнее время в жизни Грома произошли изменения: он решил заняться политикой. Почему бы и нет? Деньги у него были, причем в таком количестве, что они давно перестали его интересовать. Когда денег много, они теряют былую ценность и привлекательность. Что еще могло увлечь его по-настоящему? Стоило попробовать себя в такой игре, как власть. Игорь Анатольевич посоветовался с окружением и пустился в новое, неизведанное и полное опасностей плавание — он начал политическую карьеру. В этом океане, кроме штормов и ураганов, оказались подводные рифы и прибрежные скалы, мели, пиратские суда и многое другое, чего никак не ожидал встретить Гром, несмотря на весь свой богатый жизненный опыт.

Когда похитили Артемку, Гром понял, что ему не нравится политика. Это не для него. Однако надо было спастись после кораблекрушения, как-то разрешать ситуацию. Выстрелить себе в рот — это трусость, бегство. Гром трусом не был и бегать ни от кого не собирался. Револьвер вызвал у него минутную слабость, приступ позорного малодушия, который был тут же подавлен. Кстати, не бывает худа без добра. Окунувшись в политику, Игорь Анатольевич приобрел новый круг знакомых, которых у него никогда раньше не было. Он решил спросить совета у одного уважаемого человека, которому не раз оказывал финансовую поддержку, и не пожалел. Человек, к которому тайно обратился Гром, выслушал его, подумал и дал номер абонентского ящика вместе с условно-рекомендательным письмом. Так Громов вышел на связь с Матвеевым.

После переговоров и бесчисленных предосторож-

ностей Матвеев согласился взяться за дело и назначил личную встречу. Он понял, что в случае удачи получит немалую сумму денег, и этот последний аргумент оказался решающим, так как сам случай не представлял для Матвеева особого интереса. Денис Аркадьевич любил острые сюжеты, а похищение Артема не обещало захватывающих и неожиданных ходов и фантастических развязок. Обычные корысть и зависть. «Недержание мочи», как он называл желание людей во что бы то ни стало напакостить друг другу. Что-что, а человеческие пороки Матвеев читал как открытую книгу, в которой для него не осталось, как он считал, ни одной загадки, ни одной маломальски стоящей тайны.

О, где вы, бездны душ людских,
Где вы, великие пороки?..

В детстве Денис Аркадьевич писал стихи, подражая Шекспиру, который был ему интересен в основном своими героями. Какое наслаждение было ночами бродить по темным и мрачным извилистым закоулкам души то леди Макбет, то принца Гамлета, то изощренного Яго... Человек-загадка, Уильям Шекспир создал немало интересных персонажей, у которых есть чему поучиться.

Итак, обещанное вознаграждение все решило. Матвеев принял Грома в своей «подмосковной резиденции», как называлась в узком кругу мамонтовская дача, выслушал, выспросил подробности, причем такие, что у Игоря Анатольевича глаза на лоб полезли, и надолго задумался.

Гость пил привезенный с собой дорогой коньяк, чувствуя себя раздетым догола и стараясь справиться с охватившими его растерянностью и недоумением. Методы хозяина дачи выходили за пределы возмож-

ного. Он заставил Громова вывернуть наизнанку все свои семейные, интимные, дружеские и деловые отношения, не оставив ни одной лазейки для утаивания сведений, которые могли бы пролить свет на похищение ребенка. Он следовал одному ему известной версии и безжалостно вытаскивал на свет божий все, что могло так или иначе пригодиться. По прошествии часа, который протекал в нервном молчании Громова и напряженных раздумьях Дениса Аркадьевича, последний глубоко вздохнул, распрямился, потянулся, посмотрел в высокое голубое небо и... сказал Грому, кто именно осмелился покуситься на жизнь и здоровье маленького Артемки, используя его в качестве заложника и как средство воздействия на несговорчивого и упрямого деда.

— Не может быть, — выдохнул Гром, интуитивно чувствуя, что Матвеев дьявольски прав.

Как он смог додуматься до этого, вопрос другой. Но он прав! Прав, как бы чудовищно ни выглядела открытая им истина! Правда оказалась ужасной, неожиданной и разрушительной. Но и Гром был не из робких. Он посопел, приходя в себя, осмысливая сказанное, и пришел к какому-то глубокому внутреннему равновесию, лишней раз убедившись, что *знать* в любом случае лучше, чем оставаться в неведении.

— Как я могу вернуть ребенка? — спросил Гром, уже не сомневаясь, что получит ответ и на этот вопрос. И что непременно последует всем рекомендациям нового знакомого, которого ему «бог послал»... Игорь Анатольевич запнулся на этой последней мысли. Она показалась ему, мягко говоря, не совсем подходящей.

Матвеев разложил по полочкам все, что нужно будет сделать Грому и в какой именно последователь-

ности. Он не упустил ни одной подробности, не пренебрег ни одной, самой мелкой и на первый взгляд незначительной деталью.

— Если вы не измените ни одного шага и выполните все, что я сказал, ребенок, целый и невредимый, окажется через пару дней дома.

Игорю Анатольевичу даже не пришло в голову сомневаться. Он только попросил еще раз изложить порядок действий.

Прощаясь с хозяином, Гром положил на столик пухлый конверт с долларами. Деньги вперед, независимо от результата — таково было условие Матвеева, и Гром с ним согласился.

— Неудача возможна только в случае, если вы не выполните мои рекомендации. Таким образом, вся вина ложится на вас. Поэтому мне нет никакого смысла отказываться от гонорара, — любезно улыбаясь, произнес хозяин.

Он проводил гостя до ворот, за которыми Громова ожидали автомобиль и два вооруженных охранника. Бультерьеры, резвясь и подпрыгивая, побежали за Матвеевым. У одного из них к носу приклеился белый лепесток, которыми было усыпано все вокруг, и пес смешно чихал и мотал головой.

Игорь Анатольевич уселся на заднее сиденье и махнул водителю, чтобы тот ехал. Ему хотелось поразмышлять в тишине и покое. Дорога из дачного поселка пролегла между соснами и елями, кустами шиповника и сирени, покрытыми нежной листвой и цветами. Сирень еще не расцвела, а только выпустила вверх темные гроздья, готовые вот-вот раскрыть пышные душистые лиловые цветочки. Деревья стояли розовые от заката, солнце в багровом зареве садилось за кромку леса...

Гром думал о своем зяте, втором муже Маринки, которой отчего-то не везло в жизни. Первый супруг, напившись в ночном баре до чертиков, уселся на мотоцикл и принялся колесить по Москве, пока не свернул себе шею, столкнувшись с грузовым автомобилем. Новенькая скоростная «Хонда» превратилась в жалкие ошметки. А у Маринки остался сын Артем и обида на весь белый свет. Она любила своего непутевого Валерку, и Громов всерьез опасался, что дочь заболит от горя.

Маринка плакала, время шло, Артем рос, жизнь и молодость сделали свое дело: в прошлом году дочь во второй раз вышла замуж — за генеральского сына. Генерал действительно был заслуженным офицером, получившим свои звание и положение не в результате закулисных интриг и родственных связей, а благодаря своему уму и личным достоинствам. ореол боевых и прочих заслуг генерала распространился на его сына, который тоже был военным, согласно семейной традиции. Бравый капитан служил в столице, при штабе, имея неограниченные перспективы для роста. Громов сразу увидел, что парень ленив, заносчив, жаден до денег и откровенно недалек. Но Игорю Анатольевичу так хотелось снова увидеть радостный свет в потухших глазах Маринки, так хотелось, чтобы дочь была счастлива, что он скрепя сердце согласился на этот брак. Он думал, что Маринка обеспечена всем, кроме мужской любви, семейного уюта, и, восполнив то, чего ей не хватает, она снова будет счастлива. Увы! Но Андрюша-то, Андрюша какой негодяй! Пойти на шантаж, на похищение ребенка... А что? Артемка ему не родной сын — не жалко!

Громову хотелось задушить своего зятя Андрея собственными руками, наблюдая, как будут нали-

ваться ужасом и кровью, вылезать из орбит его нагловатые красивые глаза, как... Ладно, вначале надо вернуть домой Артемку, а уж затем вынашивать сладкие планы мести! Потом он найдет, как расправиться с дорогим зятьком. Господи! Как он мог? Скотина! Трусливый, скользкий мерзавец! Сам бы он до такого не додумался, Матвеев прав — это Штырь его подговорил на страшное дело.

Штырь — Штырев Александр Дмитриевич — товарищ Грома еще с уголовных времен, деловой партнер, лучший друг и правая рука! Оказался сукой! Предал их дружбу, все, что их связывало долгие годы!

— Как я мог проглядеть врага в своем ближайшем окружении? Доверять во всем предателю, лживому, коварному, как ядовитая змея? — спрашивал себя Громов, все больше и больше распаяясь и закипая от бешенства. — Он всегда, смолоду мне завидовал, только я этого не замечал. А если и замечал, то сдуру даже радовался: вот, мол, я какой — везучий, сильный и удачливый, сам Штырь мне завидует! Сам Штырь у меня на вторых ролях! Вот дурак! Идиот! Штырь — фигура в криминальном мире не рядовая. Он, конечно, не мог удовлетвориться тем положением, которое занимал. И только ждал своего часа. Вот и дождался! Договорились они с Андрюшкой, зятьком моим ненаглядным, как Грома завалить. Но это, ребята, у вас не выйдет! Недаром Штырь у Грома на вторых ролях перебивался... видать, не всем дано играть первую скрипку! Ничего, мальчики, я вам покажу! Я вам сделаю расклад, кто есть кто в нашей непростой жизни! Вы ж против Грома щенки! Птенцы желторотые!

Игорь Анатольевич приехал в Москву, когда на город опустились влажные душистые сумерки, и сразу

схватился за телефон. В разные концы притихшей столицы полетели звонки и указания, четкие требования, жесткие распоряжения. Гром чувствовал себя на коне. Депрессия и подавленность испарились, уступив место жажде деятельности. Он не отступил ни от одной рекомендации Матвеева, и результат превзошел ожидания. На следующий день Артемка оказался дома, немного испуганный, но живой и здоровый. Штырь исчез. А Андрей ползал на коленях по дорожному ковру, размазывая по лицу слезы и задыхаясь от рыданий, визгливо вымаливая прощение.

Гром безглаголиво кивнул головой. Пусть мерзавец думает, что выпросил себе жизнь, пусть умрет неожиданно, не мучаясь от страха, — во имя Маринки, ее любви к этому ничтожному, недостойному... созданию. Даже как-то язык не поворачивается называть мужчиной это визжащее от ужаса существо! Гром не пощадил Штыря, и Андрею не будет пощады. Ядовитую змею, заползшую в дом, надо уничтожить, чтобы она не укусила во второй раз.

— Приятные воспоминания?

Гром вздрогнул, так неожиданно прозвучал вопрос Дениса Аркадьевича, вырвав его из раздумий о недавнем прошлом.

— Ваш ход, — как ни в чем не бывало напомнил Матвеев, указывая Громову на шахматную доску.

Ветер приносил из сада запах травы и дыма, облетевшие бело-розовые лепестки цветов, по лужайке радостно носились булльтеры — все, как прошлым летом. Наверное, поэтому и накатили воспоминания.

Громов сделал ход, и снова неудачно.

— Как поживает супруга? — спросил хозяин дачи, стараясь сгладить недовольство гостя.

— Ничего, спасибо, — рассеянно отвечал Игорь

Анатольевич, глядя на доску и в очередной раз поражаясь своей глупости.

— Передавайте привет Марине Игоревне от старого друга! — усмехнулся Матвеев, понимая настроение Громова. — О, женщины! Они как цветы! Чем красивее, тем больше требуют ухода и внимания! Та зарубка на старой сосне, о которой я говорил вам...

— Зарубка?.. — не понял Громов. Он уже забыл о предыдущем разговоре и теперь с трудом пытался вникнуть в суть происходящего.

— Ну да... Когда-то, в ранней юности, я сделал ее в память о женщине, о прекрасном погибшем цветке! Ее звали Марго... Маргарита! Великий Дюма писал о королеве Наваррской, его сын — о знаменитой парижской куртизанке Готье. И ту, и другую звали Маргаритой! Булгаковский Мастер был влюблен в Маргариту, и великий чернокнижник, продавший душу дьяволу, доктор Фауст... он тоже... любил женщину, носившую это имя. Как вы думаете, есть ли какая-то связь?..

Громов пожал плечами. Он был расстроен безнадежно проигранной партией и не понимал, при чем тут женщины, цветы, Маргариты... Игорь Анатольевич не был поэтом. Он был бойцом, берущим у жизни не дары, а трофеи. Ему было не до сложных лирических рассуждений. Однако не хотелось обижать хозяина. С тех пор, как Матвеев помог вернуть Артема, Громов невольно чувствовал себя в долгу.

Поэтому он без колебаний расстался с весьма дорогой и прелестной вещицей, которая приглянулась этому господину.

Будучи на отдыхе, Игорь Анатольевич из любопытства решил принять участие в аукционе, где приобрел бронзовую статуэтку Венеры. На торгах она

была заявлена — предположительно — как работа знаменитого итальянского скульптора, живописца и ювелира Бенвенуто Челлини.

— Не верьте, — шептал на ухо Громову приятель, знаток антиквариата. — Подлинный Челлини стоил бы баснословных денег.

— Она дивно хороша, — не послушался совета Громов.

Статуэтка представляла собой молодую женщину с пленительными формами и чуть запрокинутым вверх лицом. Ее обнаженный стан медно-золотистого цвета, совершенные округлые груди, чуть выпуклый живот и гладкие точеные бедра вызывали прилив чувственности даже у такого уравновешенного, холодноватого мужчины, как Игорь Анатольевич. Красавица стояла в непринужденной позе, поправляя руками волосы, и от нее глаз нельзя было оторвать.

Бизнесмен имел неосторожность показать приобретение Матвееву. Тот загорелся.

— Я полюбил ее! — восклицал он. — Подарите мне Венеру, и я ваш раб!

Громов был ошарашен такой откровенной наглостью, но понял, что не откажет.

Его тянуло к этому странному, иногда довольно неприятному человеку, не хотелось терять завязавшуюся дружбу. Денис Аркадьевич еще пару раз здорово выручил Громова своими советами, разумеется, хорошо оплаченными. Его было чрезвычайно полезно иметь в качестве союзника, и столь же опасно — в качестве врага.

Бронзовая богиня любви перекочевала к Матвееву, о чем Гром, кстати, ничуть не жалел. Венера вводила его в искушение, пробуждала в его суровом сердце тоску... сожаления и недовольство жизнью.

Как будто он не испытал чего-то самого главного, лишил себя какого-то непостижимого счастья... которое может дать женщина. И которого он, Громов, лишил себя.

— Женщины — непонятные существа! — сказал гость, чтобы как-то поддержать разговор.

— О да! — мечтательно улыбнулся Денис Аркадьевич. — Они все хотят одного и того же! Любви, поклонения, удовольствий, сладких наслаждений, и денег, денег, денег... Они грезят о рае, где будут течь медовые реки, и где деревья будут сгибаться под тяжестью сочных плодов, и где обнаженный Адам будет нежно ласкать их разомлевшие на солнце, мягкие, ленивые тела... А знаете, кто должен обеспечить женщинам пребывание в этом раю?

Громов подумал немного и кивнул головой.

— Вижу, что вы догадались! — расплылся в довольной улыбке хозяин. — Ну конечно же, это мы — мужчины! Именно для этого мы и предназначены! Не так ли?

Игорь Анатольевич не знал, что сказать. Он чувствовал какой-то подвох в словах Матвеева и не хотел попасть впросак, ответив невпопад. Поэтому он предпочел промолчать и только сделал многозначительный вид.

— Трудна дорога в рай... А? Как вы думаете? — прищурился хозяин.

Громов вновь не нашелся, что ответить. Впрочем, Матвеев, кажется, и не ждал никакого ответа. Он свистнул, и к нему весело подбежали холеные, излучающие сытость и довольство собаки — они скакали, высунув языки, и лизали руки своего господина. Костер у забора почти потух; он еще слабо дымился, и ветер сносил дымок в сторону сада, откуда раздавался шум ветвей и птичье чириканье...

Глава 2

В пустоте и полумраке антикварного магазина было пыльно, повсюду тускло блестели старинные подсвечники, иконы, бронзовые светильники, огромные часы с маятниками, почерневшие гнутые блюда, какие-то турецкие кофейники, самовары и еще бог знает что. У Аглаи Петровны защекотало в носу, и она неожиданно громко чихнула.

— Что вас интересует? — спросил скучающий продавец.

Ему было лет шестьдесят, и он давно потерял интерес к жизни. Только эти окружающие его старые вещи все еще хранили тепло невозвратного прошлого, только они привязывали его к надоевшему существованию, придавали ему хоть какой-то смысл.

— Вот эта картина!

Аглая Петровна показала на небольшой пейзаж в духе Левитана: извилистая, неспешно текущая вдаль река, дождь, низкие серые тучи, пара лодок, притулившихся к мокрым мосткам, одинокий домик на пустынной возвышенности, горящее в домике окно...

— Прелестная вещица, — уныло подтвердил продавец. — Это похоже на осеннюю Волгу... Настоящая провинциальная российская глушь. Там, за поворотом, какая-нибудь Кинешма... бабы, торгующие молоком, свежей рыбой, грибами. Весьма, весьма по-этично. У вас хороший вкус!

Он внимательно посмотрел на посетительницу. Высокая, с пышными, подобранными к вискам волосами, живым ярким лицом и стройной фигурой, она была красива. Не вульгарна, как большинство современных девиц, развязных, громко разговаривающих и смеющихся, как эти самые «бабы из Ки-

нешмы», про которых он только что говорил, а изысканно, впечатляюще хороша. Он знал толк в таких вещах, несмотря на возраст.

— Хотите приобрести картину?

Он не любил слово «купить», как будто оно вносило в его мир какую-то дисгармонию, портило удовольствие от общения с человеком, который что-то понимает в красоте. Да и можно ли купить красоту?

Женщина кивнула, улыбнулась, очевидно, зная себе цену, понимая свою привлекательность. Стоимость картины, названная продавцом, показалась ей смехотворной. Не торгуясь, она достала из сумочки дорогой кожаный кошелек и заплатила.

Выйдя на улицу, она прикрыла глаза и удовлетворенно вздохнула, привыкая к яркому солнечному свету, голубизне неба, белому от цветочных лепестков асфальту. Она была довольна собой, прекрасным теплым днем, прогулкой по магазинам, купленной картиной... Старинные вещи, антиквариат, сама атмосфера пыльных, тесных магазинчиков, набитых разными диковинками, наполненных запахами дерева, лака, воска и кожи, доставляли ей непередаваемое удовольствие. Это было ее любимое занятие: бродить, смотреть, вдыхать запахи старины — без особой цели, просто так — и купить что-нибудь, если попадется.

Аглая Петровна решила пройтись пешком, размышляя по дороге, куда она повесит приобретенный пейзаж. Муж, конечно, был бы в бешенстве, если бы узнал. Его возмущало, как можно тратить деньги на «такую ерунду». Они совершенно перестали понимать друг друга. Да и было ли это понимание раньше? Аглая Петровна попыталась вспомнить — и не смогла. Хорошо, что он уехал к своей матери в Вологду. В по-

следнее время они постоянно ругались, все больше и больше отдаляясь друг от друга. Вообще, было странно — что могло их связывать? Как получилось, что они оказались вместе? Неужели это был брак по расчету?

Аглае Петровне Соломирской недавно исполнилось тридцать два года. Она собиралась разводиться с мужем, потому что встретила наконец человека, которого полюбила со всей нерастроченной пылкостью своего сердца. Мужчина, который смог вызвать у нее истинную любовь, о которой мечтают лунными ночами и которую воспевают в бессмертных стихах, был необыкновенным, чудным, умным, интеллектуально тонким — таким, о котором она не смела и думать.

Аглая Петровна неплохо разбиралась в мужчинах. Она была красива той особенной красотой, которая давала ей неограниченную власть над ними, и знала это. Мать с детства внушила ей уверенность в собственной исключительности.

— Аглаюшка, — ласково говорила ей мама, рано поседевшая, очень худая женщина, всю жизнь проработавшая в музейном архиве за символическую зарплату. — Мы, Соломирские, принадлежим к старинному дворянскому роду, а это великая честь. Мы избранники судьбы, поверь мне, девочка. Никогда не забывай, кто ты!

Мама назвала ее Аглаей в память о какой-то знаменитой прапрабабушке, которая сводила с ума русских и французских вельмож, одинаково ослепительно блистая и в Аничковом дворце, и в Версале. Девочку, однако, это объяснение не устраивало. В школе над ней смеялись и дразнили; учителя называли ее Глашей, чем приводили в бешенство, а когда она подрос-

ла, то стеснялась знакомиться с молодыми людьми — из-за того, что придется сказать, как ее зовут. Со временем она успокоилась и даже стала гордиться своим именем, редким и звучным, исконно русским. Так действительно могли звать настоящую барыню, на которую она изо всех сил старалась походить.

Аглая, закончившая школу «гадким утенком», расцветала на глазах, становясь все красивее и красивее, что казалось почти неправдоподобным. У нее была тонкая белая кожа с нежным румянцем на высоких скулах, пышные и блестящие иссиня-черные волосы, такие же жгучие черные глаза, густые ресницы, пухлые, несколько великоватые губы, яркие и красивой формы, мягкая линия подбородка, длинная шея и гибкая, стройная фигура с высокой грудью и округлыми бедрами. Когда она шла по улице, на нее оглядывались — откровенно, не стесняясь, раскрыв рты от изумления.

Надо сказать, что о карьере кинозвезды или топ-модели она не мечтала. Видимо, сказывалась дворянская кровь. Аглая без особого труда поступила в МГУ на факультет журналистики, наверное, очаровав приемную комиссию своей «неземной красотой», и так же легко его окончила. Искать работу тоже долго не пришлось. Она устроилась в модный женский журнал и вела там рубрику «Психология флирта», которая пользовалась огромным успехом у читательниц.

Аглая Петровна привыкла к жизненным успехам. Ее судьба складывалась гладко и приятно. От мужчин отбоя не было, и госпожа Соломирская, как ее стали называть, перебирала кавалеров и крутила ими, как хотела. Победы давались ей так легко и непринужденно, что было даже неинтересно. Дворянская кровь, опять же, не позволила ей попасть в ловушку корысти и выйти замуж «за деньги», хотя таких возможно-

стей было хоть отбавляй. Аглая Петровна вообще считала, что спешить вступать в законный брак не стоит, так как это значительно снижает интерес мужчины и у него пропадает стимул угождать своей избраннице.

Когда ей исполнилось двадцать восемь и мама начала выражать беспокойство по этому поводу, Аглая решила и вышла замуж за обеспеченного, преуспевающего бизнесмена Виктора Дунаева, своего бывшего однокурсника, который сох по ней еще в университете. Виктор забросил журналистику, которая никогда его особенно не привлекала, и занялся торговлей. Он не был слишком «крутым», но зарабатывал достаточно и любил без памяти свою жену Аглаю Соломирскую, которая не пожелала стать госпожой Дунаевой и оставила свою девичью фамилию. Она не собиралась в браке отказываться от своих привычек — ни в отношении времяпрепровождения, ни в отношении мужчин, наотрез отказавшись бросить работу и продолжая посещать различные тусовки и презентации, на которые ее то и дело приглашали, являясь домой чуть ли не засветло.

Виктор ревновал, мучился, но не хотел портить отношения с женой, поэтому все оставалось, как есть. Он зарабатывал, она тратила: наряжалась, покупая себе умопомрачительные платья, шубки и бесчисленное количество туфель, сапожек и сумочек; часами болтала по телефону с подружками, пропадала на работе до позднего вечера, совершенно не желая заниматься домашним хозяйством. У нее было хобби — бродить по антикварным магазинам и магазинчикам, рассматривать и покупать старинные вещи: недорогие картины, бронзовые канделябры, книги, табакерки и прочее. В их гостиной уже стояли двое

громадных напольных часов и несколько ваз. Если Аглая чем-то увлекалась, то отдавалась этому увлечению всем своим существом. Она ничего не умела делать наполовину — ни любить, ни ненавидеть, ни приобретать, ни тратить.

Робкий намек супруга на то, что ему хотелось бы иметь ребенка, вызвал такую бурю негодования, что Виктор долго не решался снова завести об этом разговор. Он надеялся, что ребенок сделает их семью более прочной и хоть немного привяжет к домашнему очагу неугомонную супругу. Но не тут-то было! Пеленки-распашонки, бессонные ночи, коляски и соски не входили в сферу интересов Аглаи Петровны. Она и слышать ни о чем таком не хотела! И Виктор смирился. В конце концов, у него есть красавица-жена, в которую тайно влюблены все его приятели и знакомые. Другой господин Дунаев после женитьбы в дом водить перестал. Это казалось ему слишком опасным. Он подозревал, что у жены есть любовники, но боялся об этом думать и верить в собственные, ничем не обоснованные предположения. По ночам, не в силах заснуть от мучительных переживаний и страхов, он вставал, выходил на кухню и курил сигарету за сигаретой. До брака он не курил, и новая привычка пугала его. Как бы еще не начать пить! Многие его партнеры по бизнесу потихоньку спивались, хотя было непонятно, почему — они ведь не были женаты на таких красавицах, как Аглая Соломирская!

К чести Аглаи, супруга она не обманывала. Любовников у нее действительно не было. Поклонники — да! были! — но это никогда не переходило установленных ею самой границ. До брака она позволяла себе иногда развлечься... но то ли с мужчинами ей не повезло, то ли просто к сексу она оказалась равно-

душна — в общем, ничего особенного она в интимных отношениях для себя не обнаружила. Ухаживание ей нравилось гораздо больше. А постель... С супругом приходилось, тут уж ничего не поделаешь, а с другими зачем? Никакого смысла и удовольствия в сексе Аглая не видела. Именно поэтому у нее и не было любовников. Но Виктор об этом не знал. Ему это и в голову не приходило.

Жизнь их текла относительно спокойно. Изредка то у одного, то у другого вспыхивало недовольство, но они были люди интеллигентные, с высшим образованием, так что до скандалов и драк не доходило. Виктор пытался как-то выразить свои пожелания, чтобы немного чаще видеть жену дома, ну и о ребенке, конечно. Он все еще не терял надежды, что Аглаюшка одумается — возраст же! годы идут! — может и поздно оказаться. Но его надеждам не суждено было сбыться.

Госпожа Соломирская — умница, красавица, тонкая ценительница прекрасного, знаток и эксперт в отношениях полов — влюбилась! Самым заурядным образом, сильно, безрассудно, до беспамятства и потери здравого смысла, именно так, как ей всю жизнь хотелось. Во всяком случае, она была убеждена, что это должно быть только так — смертельно, безумно, бесповоротно. Чтобы не оглядываться никуда и ни на кого, чтобы приносить жертвы, чтобы клясться, чтобы сгорать от страсти и сжигать мосты, чтобы... У нее не было слов для выражения своих чувств. Она уже не ждала, что получит этот подарок судьбы. Ей исполнилось тридцать два, а романтической любви так и не было. И тут — появился Он!

Умный, обаятельный, богатый, красивый, загадочный, окутанный аурой страсти и тайны! Они познакомились в одном из ночных клубов, в который

Аглая пришла, чтобы написать очередной материал о флирте в журнальную рубрику. Она села в уголке, заказала выпивку и кофе и начала присматриваться к посетителям: кто с кем, во что одеты, что делают, а чего не делают, что пьют, как танцуют и прочие детали, возбуждающие интерес у ее читательниц.

Госпожа Соломирская уже почти начала скучать и тут встретила пристальный взгляд его темных, каких-то необычных глаз — и все... Она почувствовала, что хочет мужчину, пожалуй, впервые в жизни, до головокружения и судорог в груди.

«Так вот как это бывает!» — мелькнула мысль в ее отуманенном страстью сознании, чтобы тут же исчезнуть, уступить место бездумной, ни на что не похожей истоме, ломоте во всем теле, непреодолимом желании, чтобы Он подошел, сказал ей что-то, взял за руку, обратил на нее внимание, наконец...

Она почувствовала, что теряет сознание, что сейчас она просто-напросто упадет, как срезанный безжалостной рукой цветок. О господи! Что это с ней? Неужели... любовь?

С этого мгновения вся жизнь Аглаи Петровны полностью и целиком изменилась, превратившись в сказку «Тысячи и одной ночи». Загадочный мужчина все-таки подошел к ней — не мог не подойти. Зачем тогда бог дал ей такую красоту, если она не может привлечь желанного человека? Вот и привлекла...

Госпожа Соломирская тряхнула головой, отгоняя сладостные видения, сцены страсти. Оказывается, она совсем не холодная, а весьма даже горячая женщина. Слишком горячая! Слишком страстная, порывистая, слишком нежная, слишком восторженная, слишком впечатлительная, слишком любящая...

Просто умирающая, растворяющаяся от любви, от желания, от огня в сердце...

Забывшись, она чуть не уронила купленную картину. Надо торопиться, кроме свидания, у нее еще сегодня деловая встреча за городом, на которую нельзя опаздывать!

Аглая Петровна ехала в такси на вечернюю деловую встречу. После сегодняшнего свидания ее сердце неистово колотилось, в груди горело, в голове непрерывно стучали маленькие назойливые молоточки, не давая ей расслабиться ни на минуту. Она старалась и не могла отогнать от себя картину происшедшего, до мельчайших подробностей врезавшуюся ей в память. До самой смерти она не забудет ни одной детали, ни одного слова, ни одного вздоха, ни одного жеста...

— Куда поворачивать? — спросил таксист, глядя на странную пассажирку. Ее глаза лихорадочно горели, на бледном лице выделялся неестественно яркий румянец. Плохо ей, что ли? Еще этого не хватало! Уже смеркается, а до ближайшей больницы далеко.

Женщина не сразу ответила. Она подняла затуманенные воспоминаниями глаза, пытаясь понять, чего от нее хотят.

— Поворачивать куда? — повторил таксист. — Направо или налево?

— А... — пассажирка словно очнулась. — Налево, пожалуйста.

Вокруг быстро темнело. Дорога петляла меж густых зарослей. На небе, над самыми верхушками деревьев блесло несколько зеленоватых звезд.

— Прохладно... прикройте окно, — попросила женщина, и таксист поднял стекло со своей стороны.

— Куда дальше?

— Еще немного вперед, — сказала Аглая Петровна, зябко поводя плечами. — Вон к тому дому!

В темноте почти ничего не было видно. Фонарей здесь, в небольшом дачном поселке, не было. И только луна давала немного света.

— Этот дом?

— Кажется, да! Подождите минутку, я проверю, — пассажирка полезла в сумочку, достала блокнот и проверила адрес. — Лесная, двадцать три. Вы что-нибудь видите?

Водитель включил дальний свет, пытаясь разглядеть номер на доме.

— Кажется, это то, что вам надо, — сказал он. — Идите посмотрите, я подожду.

Женщина была очень красивая, просто удивительно, какая красивая! Ему редко приходилось видеть таких. Может быть, даже никогда. Хотелось услужить такой интересной даме.

— Да, подождите меня, пожалуйста! Я быстро. Если хозяин дома, то мы немного поговорим: мне нужно интервью для журнала. Не могу сказать вам точно, сколько буду занята. Но вы не уезжайте, я вам заплачу.

Она казалась немного растерянной. Видно было, что ей не хочется идти в дом. Вокруг двора был забор-сетка, калитка приоткрыта.

— Осторожнее, там может быть собака! — предупредил водитель.

Женщина была такая прелестная, незащищенная — ему хотелось утешить ее, может, пойти вместе с ней, чтобы она чувствовала себя более уверенно.

— Да?

Аглая Петровна с опаской заглянула внутрь двора. Там действительно оказался вольер с собаками, но он был закрыт. Она глубоко вздохнула и, скользнув в ка-

литку, пошла по дорожке к дому. Под крышей открытой веранды горела одна-единственная лампочка. Окна в доме все были темные, кроме одного. В саду шумел ветер, принося запахи цветущих деревьев и дыма.

Водитель смотрел, как пассажирка искала звонок, потом постучала. Никто не открывал. Женщина немного постояла, оглянулась, махнула водителю рукой и вошла внутрь. Видимо, дверь оказалась не заперта. Таксист зевнул и посмотрел на часы. Было уже без пяти девять. Вокруг стояла непривычная для городского жителя тишина, нарушаемая только шумом ветра в садах. В это время начала лета люди еще не приезжали за город. Дома вокруг наверняка пусты. В июле тут будет повеселее. А сейчас... Даже собаки бродячие сюда не забегают!

Водителю отчего-то стало неудобно. Хоть бы пассажирка быстрее вернулась! Ему совсем не хотелось стоять тут, в темноте и одиночестве. Может, закурить? Как назло, он никак не мог найти спички. Где-то в кармане должна быть зажигалка. Он порылся в карманах — зажигалка нашлась, но она не работала.

— О черт!

Таксист захлопнул дверцу, включил музыку и прикрыл глаза, откинувшись на сиденье. Он чувствовал какую-то неприятную тревогу. Что-то было не так.

— Да что за черт! Это все нервы. День сегодня был непростой, много езды, много суеты, разговоров.

Он открыл глаза и снова посмотрел на часы. Прошло только три минуты... В это мгновение раздался душераздирающий, пронзительный женский крик, громко залаяли собаки в вольере. Таксист вскочил как ужаленный. Это из дома! Что-то случилось там, за толстой дверью из мореного дуба. Что же делать? Может, вызвать милицию?